

20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (уроки одной научной дискуссии). Статья 1

Памяти Майи Владимировны Всеволодовой

Любовь Павловна Клобукова,

член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, заслуженный профессор Московского университета,
зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: klobukov@list.ru;

Екатерина Николаевна Виноградова,

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: ekaterinavin@mail.ru

В статье характеризуется состояние теории и практики изучения системы русских предлогов в конце XX века; указывается на неполноту и противоречия описания данной системы, что определило потребность в пересмотре многих положений русской грамматики, касающихся предлога; отмечается роль М.В. Всеволодовой в популяризации предлога как объекта исследования и в организации Международной конференции «Грамматика славянского предлога», состоявшейся в МГУ имени М.В. Ломоносова в октябре 2003 года.

Ключевые слова: М.В. Всеволодова, предлог, грамматика предлога, синтаксема, принципы классификации русских предлогов.

Первый номер «Профессорского журнала» (Серия: Русский язык и литература), вышедший в свет четыре года тому назад, открывался статьями ряда видных современных русистов. В числе учёных, символически благословивших своими работами появление нового периодического издания по проблемам изучения и преподавания русского языка и литературы, была и М.В. Всеволодова [Всеволодова 2020], заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, замечательный лингвист и уникальный лингводидакт из славной когорты основателей современ-

ной теории преподавания русского языка как иностранного.

В июне 2023 года Майе Владимировне исполнилось бы 95 лет. Этой дате был посвящён научно-методический семинар «Лингводидактическое описание русского языка в зеркале иноязычных систем», который состоялся 1–2 ноября 2023 года на филологическом факультете МГУ. Было заслушано 34 доклада, посвящённых проблематике, связанной с многогранной научной и педагогической деятельностью выдающегося учёного (подробнее см. [Бархударова и др. 2024]).

«Профессорский журнал» также готовился к этому юбилею, причём заранее: в 2022 году он начал знакомить читателей с не опубликованными к тому времени материалами международной научной конференции «Грамматика славянского предлога», проведённой в МГУ 28–30 октября 2003 г. (в дальнейшем — Конференция 2003), которая была организована по инициативе М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2022; Золотова 2022; Прияткина 2022; Сергеева 2022; Чижова 2022; Шелякин 2022; Конюшкевич 2023]¹.

Почему редакционная коллегия «Профессорского журнала» остановилась на публикации материалов именно данной конференции? Для этого был целый комплекс причин, который и сделал Конференцию 2003 уникальной — она относится к числу таких научных событий, которых в определённое время и в определённом месте просто не могло бы не быть, и именно поэтому её результаты представляют бесспорный интерес для науки нашего времени. Постараемся показать значение Конференции 2003 для дальнейшего изучения системы русских предлогов. С этой целью охарактеризуем тот фонд представлений о русском предлоге, который обусловил необходимость проведения данной конференции.

Прежде всего, необходимо вспомнить, что рубеж веков был ознаменован взлётом интереса к изучению и лексикографическому описанию различных слов, используемых на разных уровнях построения речи — от формирования словосочетания до построения связного текста; см., в частности [Рогожникова 1991; Баранов и др. 1993; Словарь структурных слов 1997; Дискурсивные слова 1998 и 2003; Шимчук, Щур 1999; Исследования по семантике предлогов 2000; Ефремова 2001; Словарь служебных слов 2001], а также ряд

других публикаций указанного направления.

Такое внимание к словам данного типа было обусловлено, несомненно, активизацией в последней трети прошлого столетия функционального подхода к описанию языка. В этот период была издана под общей редакцией и при авторском участии А.В. Бондарко фундаментальная шеститомная коллективная монография [ТФГ 1987–1996]; см. также [Бондарко 1983; 1984; Золотова 1982; Золотова и др. 1998]. Однако основное внимание в этих работах было уделено характеристике знаменательных слов, а не служебных, без которых коммуникация невозможна. Заметим в этой связи, что монография по функционально-коммуникативной грамматике русского языка [Всеволодова 2000] была одним из немногих исключений в данном ряду публикаций.

Предлог, относящийся к грамматическому классу служебных слов, является одной из наиболее интересных для изучения частей речи русского языка, которая была представлена уже в первых опытах полного научного описания морфологического строя русского литературного языка XVIII в. [Ломоносов 1952: 406, 417–418, 570–572, 755–756; Барсов 1981: 90, 648–653]². И тем не менее отечественная лингвистика очень долго, фактически в течение двух с половиной столетий, «открывала» для себя предлог как особую единицу лексики и грамматики. Вначале были отграничены предлоги типа *с, без, на, в, про* от омонимичных им деривационных префиксов (о «слитных предлогах» в составе таких глагольных и именных основ, как *научить, выдать, безрукий* и т. п., писали и А.А. Барсов [Там же: 650–651], и видные учёные XIX века [Павский 2012: 81; Некрасов 2012: 175 и далее; Буслаев 2006: 160–162]). Лишь разграни-

¹ Подробнее о Конференции 2003 как знаменательном событии недавней истории русской грамматической науки и о принципах отбора докладов для публикации в «Профессорском журнале» см. [Клобукова 2022].

² Здесь и далее для удобства читателей ссылки и даются не на первые, а на наиболее доступные издания классических работ по русской грамматике.

чив предлоги типа *на* (*стол*) и префиксы типа *на-* (*настойный*), отечественная лингвистика получила возможность приступить к научному описанию формальных свойств предлогов, их семантики и функций в предложно-падежной конструкции.

В функциональном плане очень важно, что русистика XX в. начала изучать не только собственно предлоги, но и слова и их сочетания, не относящиеся к грамматическому классу предлогов как особой части речи, однако выполняющие в предложении те же функции, что и предлог [Шахматов 2011: 420–434, 504 и др.; Пешковский 2013: 267–314 и др.; Виноградов 1972: 139–147, 531–551; Грамматика 1960, т. I: 650–662; т. II, часть 1: 138–211, 242–281, 307–342] и др. При этом в публикациях последней трети прошлого века содержится много ценных уточнений и дополнений к характеристике системы русских предлогов и принципам её изучения, сформулированным классической русистикой [Крейдлин, Поливанова 1987; Всеволодова, Ященко 1988; Иорданская, Мельчук 1996; Богданов 1997; Пайар, Селивёрстова 2000 и др.].

Особое место в ряду таких публикаций занимают два фундаментальных издания, содержащих весьма детальное описание типов функционирования предлогов: академическая грамматика русского языка [Русская грамматика 1980, т. II] и «Синтаксический словарь русского языка» [Золотова 1988] — уникальный по глубине анализа опыт всесторонней характеристики того, как используются наиболее употребительные русские предлоги в составе «первозлементов предложения» (синтаксем).

В зарубежной лингвистике второй половины XX века предлог также был одним из активно изучаемых языковых объектов. Конструкции с предлогами в различных языках изучалась Ч. Филлмором, У. Чейфом, Дж. Андерсоном и другими видными лингвистами в рамках особого направления порождающей семантики — «падеж-

ной грамматики» [Демьянков 1990: 357]. Полученные выводы о совокупном семантическом потенциале падежей и предлогов позволяли моделировать костяк пропозициональной структуры любого высказывания. Заметим при этом, однако, что сам термин «падежная грамматика» весьма условен в том смысле, что потенциально отсылает к грамматической категории падежа. Между тем работы зарубежных лингвистов по падежной грамматике основывались в основном на данных английского языка, то есть языка аналитического строя, в котором субстантивная грамматическая категория падежа как таковая отсутствует. Те грамматические значения, которые во флективных языках принято называть падежными («агенса», «пациенса», «адресата» и пр.), выражены в них той или иной падежной формой имени или же предложно-падежной конструкцией, а в аналитических языках — сочетанием предлога с неизменяемым именем (*John smiled at Mary*) или же без предлога, позиционно — в соответствии с семантическими валентностями управляющего слова (*John loves Mary*). Но так или иначе, благодаря исследованиям в области «падежной» грамматики внимание широкого круга учёных разных стран было привлечено к функционально-семантическому потенциалу предлога.

Однако этот интерес к данному грамматическому классу служебных слов позволил обнаружить и существовавший в различных грамматических традициях явный разрыв между теоретическим осознанием огромной функциональной значимости предлогов, намечающих во взаимодействии с субстантивными падежными формами всю актантно-сирконстантную перспективу любого высказывания, и весьма лаконичным характером представления предлогов в общих стандартных грамматических описаниях языков мира, в частности русского языка.

Заметим, что сказанное относится даже к лучшим научным исследованиям предлогов, упомянутым выше. Так, вто-

рой том академической «Русской грамматики» (1980) содержит обширнейшую информацию о синтаксическом использовании предлогов, однако морфологической характеристике этой части речи уделено в данном издании всего семь страниц текста [Русская грамматика 1980, т. I: 706–712]. А в университетском учебнике русского языка [Белошапкина и др. 1989: 358–360] предлогу посвящены лишь две страницы, как и в многократно переиздававшемся в конце прошлого века учебнике для педагогических вузов [Лекант и др. 1982: 238–240].

И дело не только и не столько в печатном пространстве, которое отводилось предлогам в обобщающих грамматических описаниях русского языка; проблема, по сути дела, заключалась в повсеместно имевшем место неполном соответствии подходов к морфологической характеристике предлогов как части речи и общепринятых стандартов системного описания грамматических классов слов. Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, достаточно обратиться к соответствующим разделам авторитетных грамматических трудов того времени.

Начнём с того, что исследования по предлогам и их функционированию долго базировались на противоречивой информации о самом количестве русских предлогов. А иногда учёные исходили из презумпции, что вопрос о количестве предлогов в языке вообще не имеет значения для системной характеристики лексем данного грамматического класса и выявления его функциональных возможностей. Г.А. Золотова, например, так писала о своем «Синтаксическом словаре» во введении к этому изданию: «...он может рассматриваться как первый опыт описания **всех элементарных структурно-смысловых единиц русского синтаксиса и их функциональных возможностей...**» [Золотова 1988: 7] (Выделено нами. — Л.К., Е.В.).

Вклад Г.А. Золотовой в русскую синтаксическую науку трудно переоценить.

В то же время нельзя не учитывать, что описание системы именных синтаксем (элементарных структурно-смысловых компонентов русского предложения, формируемых с участием субстантивной лексики) базировалось в указанном словаре на изучении функционирования падежей в беспредложном употреблении или же в сочетании с 35 наиболее употребительными предлогами. Между тем академическая наука 80-х гг. свидетельствовала о наличии в современном русском литературном языке около 200 предлогов [Русская грамматика 1980, т. I: 706–712; там же, т. II: 671–675]³.

Возникает вопрос: а не может ли получиться так, что привлечение к рассмотрению в рамках предложно-падежных конструкций ещё одного (условно говоря, «36-го») предлога позволило бы существенно дополнить картину функциональных возможностей русского падежа, предлагаемую в «Синтаксическом словаре»? Мы полагаем, что такие дополнения не только возможны. Они просто неизбежны.

Так, в этимологическом словаре русского языка [Шанский 1963: 88] находим заимствованное ещё в XIX веке из французского языка слово *а-ля* ‘вроде, наподобие’. Часть речи, в которую вошло данное заимствование, не указана, однако слова, использованные при его семантизации (*вроде* — «предлог с род. пад.» [БАС₂ 2004: 241]; *наподобие* — «предлог с род. пад.» [БАС₂ 2008: 287]), наводят на

³ В «Обратном словаре русского языка», где указана грамматическая характеристика 121 532 слов, к предлогу отнесено 141 слово [Обр. 1974: 941]. Однако есть основания предполагать, что материалы словаря позволяют говорить о существовании в языке гораздо большего количества единиц этого грамматического класса. Дело в том, что в [Обр. 1974] отражены все цельнооформленные предлоги типа *в, из-за, навстречу* и производные составные предлоги типа *в силу, в замену* (с препозицией мотивирующего предложного компонента). Но в нём отсутствуют производные предлоги с постпозицией мотивирующего предлога (*судя по, невзирая на*), что, к сожалению, уменьшает реальный объём системы русских предлогов.

мысль, что перед нами, фигурально выражаясь, именно тот самый «36-й предлог», который полтора столетия по традиции не принимался во внимание при грамматической характеристике системы русских предлогов и изучение которого, вероятно, может внести коррективы в бытующие представления о свойствах этой системы.

Что интересно, русская лексикография заметила новичка в классе русских предлогов задолго до 1963 года. По данным [Обр. 1974: 783], *а-ля* было представлено уже в 1-м томе «Толкового словаря» [Уш. 1935], а затем в 1-м издании «Большого академического словаря» [БАС₁ 1950]. Что касается частеречной характеристики данного заимствования, то в [Обр. 1974] вслед за указанными лексикографическими источниками слово *а-ля* было снабжено не пометой, информирующей о его части речи, а указанием на неизменяемость слова (*н*). Но это малоинформативная в грамматическом плане помета: как известно, неизменяемыми могут быть разные части речи, причём не только служебные, модальные и междометные слова, но и некоторые существительные, прилагательные, глаголы, отдельные классы наречий и предикативов.

И только в 1-м издании «Грамматического словаря» [Зализняк 1977] при слове *а-ля* находим помету *предл.* (предлог, в значении ‘подобно, в духе’). Закономерно, что после столь авторитетного указания слово *а-ля* характеризуется в соответствующем томе 2-го издания Большого академического словаря [БАС₂ 2004: 176] уже не как неизменяемое слово неясной частеречной отнесённости, а как «предлог с им. пад.», который иллюстрируется примерами *поза а-ля Наполеон, с бакенбардами а-ля Пушкин, стиль а-ля Вера Холодная*. В число русских предлогов *а-ля* включается в монографиях [Клобуков 1986; Богданов 1997] и в более поздних публикациях.

Что значит для описания системы русских предлогов включение в её состав нового предлога? Очень многое. Весьма существенно приходится переосмыслить

традиционную классификацию русских падежей по их сочетаемости с предлогами, поскольку, как неожиданно выяснилось, именительный падеж уже полтора столетия не является падежом, который «никогда не сочетается» с предлогами⁴. Ясно, что, не проанализировав функциональный потенциал **всех** без исключения типов строения именных синтаксем (а это невозможно без установления и изучения синтаксического поведения всех предлогов русского языка), нельзя с уверенностью присоединиться к представленному выше мнению Г.А. Золотовой о том, что в её «Синтаксическом словаре» содержится описание «**всех** элементарных структурно-смысловых единиц русского синтаксиса и их функциональных возможностей».

Неудовлетворительным на рубеже веков представлялось не только решение вопроса о количестве русских предлогов. Не менее важным было то обстоятельство, что в грамматической литературе не вполне корректно характеризовались функциональные свойства предлогов. Остановимся на этом подробнее.

Предлог обычно определялся как служебная часть речи, «оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении»⁵ и тем самым выражающая отно-

⁴ В публикациях [Клобуков 1986; 2002] показано, что существует также целый ряд других составных служебных единиц, являющихся эквивалентами предлогов и формирующих синтаксемы только с номинативом; ср., например: *...великан по фамилии Степанов и по имени Степан* (С. Михалков).

⁵ Г.А. Золотова на Конференции 2003, как мы полагаем, более корректно определяла функциональный потенциал предлогов, минуя уровень словосочетания: «...предлоги — это конструктивные элементы, помогающие выразить смысловые связи между **компонентами высказывания**» [Золотова 2022: 18] (выделено нами. — Л.К., Е.В.). Такой подход позволил ей избежать в «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988] выделения сомнительных семантических объектов, которые нередко обозначались как падежные (и, соответственно, предложно-падежные) «значения необходимого информативного восполнения» (*моложе брата, слывет колдуном, пойти в рабочие* и т.п. (см., в частности: [Шведова 1997: 314])). Многочисленные примеры реализации по-

шение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» [Русская грамматика 1980, I: 706]. Необоснованной представляется сама исходная позиция, согласно которой предлог функционирует, непременно «соединяя два слова» [Там же] (Выделено нами. — Л.К., Е.В.). Первый же приводимый далее в Грамматике иллюстративный пример (*говорить о поездке*) показывает некорректность этого определения предлога, поскольку предлог в подобных словосочетаниях связывает не два слова, а **слово** и **словоформу**: управляющее **слово** как целостную парадигму словоформ (ср.: *говорить / говорю / говори о поездке*) и одну конкретную падежную **словоформу** (в рассматриваемом примере — форму предл. п.) зависимого от него имени. Очевидно также, что есть немало контекстов типа **К нашему сожалению, пошёл дождь**; **В овраге** (название рассказа А. П. Чехова) и т.п., где предлог не связывает никаких знаменательных слов на уровне словосочетания. Здесь реализуется более сложная семантико-синтаксическая функция служебного слова в структуре целого предложения или даже текста, минуя словосочетание.

Но и в тех случаях, когда предлог используется как формально связующий элемент в словосочетании (ср.: *состоять из частиц*), нельзя согласиться с мнением, что он одинаково обращён к обоим знаменательным компонентам, и это якобы позволяет разбивать словосочетания на такие комплексы, как «*состоять из*» и «*из частиц*» [Там же]. Реально вычленимым коммуникативно значимым элементом речи является только предложно-падежная конструкция (типа *из частиц*). Г.А. Золотова справедливо назвала такие

конструкции первоэлементами предложения, или синтаксемами [Золотова 1982: 3, 48–83 и др.]. А механически выделяемые блоки типа *состоять из* не имеют самостоятельного статуса (= не являются синтаксемами), поскольку глагол *состоять* сочетается не с предлогом *из*, а с целостной двусловной синтаксемой, строящейся по модели *из* + род. п. Таким образом, сочетание словоформ *состоять из частиц* имеет не тернарную линейную структуру *состоять* + *из* + *частиц*, которую, согласно Грамматике 1980, можно произвольно разбивать на любом из швов; перед нами жёсткая иерархически организованная **бинарная** структура, единство **двух** синтаксем — глагольной и именной: *состоять* + (*из частиц*).

Вряд ли можно согласиться и с бытовавшим в те годы утверждением, что «предлогами выражаются те же общие отношения, которые выражаются косвенными падежами существительных (кроме отношения субъектного)» [Русская грамматика 1980, I: 706]. А как быть тогда с обычными для нашей речи выражениями типа **У него грипп** (ср.: **Он гриппует**), **С ним приключилась беда** (ср.: **Он в беде**)?

Неудовлетворительной представляется и десятилетиями бытовавшая общая «формальная» классификация русских предлогов, в основе которой лежало разграничение: 1) первообразных (*из, из-под* и т.п.) / непервообразных (*близ, внутри*) и 2) простых (*до, вглубь*) / составных (*впредь до, согласно с*) предлогов [Там же].

Но какое отношение подобная классификация имеет к грамматике, конкретно к морфологии в строгом её понимании? И как эта классификация соотносится с тем, что во всех основных частях морфологического раздела той же Русской грамматики 1980 собственно грамматическими свойствами слова называются только те, что обладают свойствами обязательности и регулярности [Там же: 453–459] (см. также [Зализняк 2002: 24–26])? При таком подходе морфология последовательно противопоставлена

добных «значений» анализируются во втором томе «Русской грамматики» (1980) в разделе, посвященном функционированию падежных форм и предложно-падежных конструкций (*соответствовать чему-н.*; *притворяться кем-н.*; *дока по части чего-л.*; *склонный к чему-н.*; *сродни чему-л.*; *быть под стать чему-н.*; *наедине, наравне с кем-н.* и т. д.).

словообразованию, которому отведён весьма обширный самостоятельный раздел академической грамматики [Русская грамматика 1980, т. I: 133–452]. Из этого следует, что оба основания «формальной классификации» предлогов, указанные в предыдущем абзаце данной статьи, имеют не собственно морфологическую (= не грамматическую), а явно словообразовательную природу.

При этом первое из оснований, перенесенное из ранних славянских грамматик в грамматические описания предлога наших дней и поэтому носящее ошутимо архаичный характер, базируется на наличии / отсутствии «живых словообразовательных отношений с какими-либо знаменательными словами» [Там же: 706–707]. В настоящее время этот классификационный признак, явно апеллирующий к этимологии (или, иными словами, к «генетической исконности» предлогов [Ляпон 2020: 537]), каким-то странным образом сохранился только в сфере грамматического описания предлогов. Ясно, что, например, и союзы могут по происхождению не соотноситься со знаменательными словами (*но, а, да*) или же соотноситься с ними (*вернее, иначе, наконец*) [Русская грамматика 1980, т. I: 715 и др.]. Но эпитеты «первообразный» и «непервообразный» при характеристике союзов не используются, и это абсолютно правильно для языковых объектов, рассматриваемых на уровне синхронии. Очевидно, что точно так же избыточны эти этимолого-словообразовательные определения и при грамматическом описании системы предлогов.

Подчеркнем при этом, что словообразовательные свойства предлогов не только могут, но, по нашему мнению, непременно должны быть представлены при их комплексной характеристике. Но эти сведения не могут подменять собственно грамматических характеристик предлога и должны соответствовать современному уровню словообразовательной науки.

Так, корректно было бы, исходя из современных стандартов словообразовательной характеристики частей речи, различать предлоги производные и непроизводные. При этом к числу производных должны быть отнесены и многие «первообразные», согласно академической грамматике, предлоги, например *из-под, из-за* в пространственном значении, соотносимые в современном языке и по форме, и по семантике с исходными непроизводными предлогами *из, под, за*.

Кроме того, для производных предлогов должны быть выделены словообразовательные классы простых и сложных (составных) предлогов. В рамках этих классов целесообразно было бы разграничить конкретные словообразовательные типы с учётом как грамматических характеристик производящих основ (или их комбинаций, при сложении), так и видов словообразовательных формантов. Эти азы современного словообразовательного анализа детально изложены В.В. Лопатыным и И.С. Улухановым в словообразовательном разделе академической грамматики [Там же: 137–142]. Но в разделе «Предлог» данной грамматики (и во многих других публикациях) указанные принципы словообразовательной классификации не учитываются. Что же касается собственно словообразовательного раздела Грамматики 1980, то параграфы, посвящённые словообразованию предлогов и других служебных слов (за исключением некоторых видов частиц), к сожалению, вообще отсутствуют.

В морфологических же разделах Грамматики 1980 читатель хотел бы видеть не устарелые представления о словообразовании служебных слов, а собственно грамматические классификации данных частей речи. Не случайно в теоретическом введении к морфологической части академической грамматики В.А. Плотникова очень чётко формулирует границы релевантной для морфологии собственно формальной грамматической реали-

зации слова (и конкретной словоформы): это категориальные словоизменительные средства и грамматическая синтагматика [Там же: 456–457].

Однако предлогам как части речи в принципе чуждо словоизменение. С учетом этого тем более важно было бы очень строго распределить все предлоги по синтагматическим классам в зависимости от их грамматической сочетаемости. В разделе «Предлог» Грамматики 1980 некоторая информация об этом, естественно, даётся, но представлена она весьма сжато и только после ранее рассмотренной развёрнутой словообразовательно-этимологической характеристики русских предлогов. Это методологически некорректно: при грамматической (морфологической) презентации системы предлогов всё должно начинаться с собственно грамматической информации, и лишь потом следовало бы привлекать к обсуждению те словообразовательные свойства предлога, которые имеют прямое отношение к его грамматике.

Приступая к собственно грамматической характеристике русских предлогов, логично было бы распределить их по синтагматическим классам в зависимости от их сочетаемости с различными падежными формами имён. В этом случае отдельный класс составили бы все предлоги, сочетающиеся с род. п. (типа *без, вдоль*), другой класс включал бы все предлоги, сочетающиеся с дат. п. (такие, как *к, наперекор*) и т. д. И особые синтагматические классы могли бы составить предлоги, сочетающиеся с несколькими падежными формами — двумя (*за* + вин. и тв. п.) или тремя (*с* + род., вин. и тв. п.). Подобная классификация русских предлогов по их сочетаемости с падежными формами имён могла бы привести к осознанию целого ряда теоретических проблем изучения и лексикографического представления единиц данного грамматического класса, а также к исследованию и научному описа-

нию его мощной функциональной «ауры» в виде не относящихся к предлогу как части речи многочисленных «средств предложного типа» (в терминологии М.В. Всеволодовой).

Эти и подобные пробелы в теории предлогов и в практике описания предложной системы не могли остаться незамеченными в лингвистическом сообществе теми, кто десятилетиями изучал функционирование русских предлогов [Всеволодова 1975; 2000; Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова, Ященко 1988; Всеволодова и др. 2003]. Можно смело утверждать, что «предложный бум» рубежа веков начинался именно как определённая реакция на явно недостаточную изученность грамматического класса предлогов и в системно-структурном, и в функциональном аспектах. В те годы остро ощущалась потребность в широком и многоаспектном обсуждении итогов и перспектив изучения грамматики русского (и славянского) предлога.

Но где и в каком составе было бы целесообразно провести такое мероприятие? Отвечая на этот вопрос, вспомним, что в начале XXI века активная работа по изучению служебных слов велась в нескольких учебно-научных центрах России: например, в Институте русского языка имени А.С. Пушкина, в ряде государственных университетов, в частности в Санкт-Петербургском и Дальневосточном. Все они могли бы стать базовыми для организации обсуждений вопросов грамматики предлога.

Однако Конференция 2003 состоялась на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. И это объяснялось целым рядом обстоятельств, заслуживающих специального рассмотрения, которому, наряду с другими вопросами организации и проведения Конференции 2003, будет посвящена вторая часть данной статьи. Её публикация планируется в следующем номере «Профессорского журнала».

Литература

1. Баранов и др. 1993 — Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / научный руководитель проекта Д. Пайар. Москва : Поморский и партнёры, 1993. 207 с.
2. Барсов 1981 — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Москва : Издательство Московского университета, 1981. 776 с.
3. Бархударова и др. 2024 — Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю., Зубова О.В., Клобукова Л.П., Панков Ф.И., Чаплыгина Т.Е., Чижова Л.А. Научное наследие М.В. Всеволодовой и актуальные проблемы линводидактики, функционально-коммуникативного и сопоставительно-типологического изучения русского языка // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024. № 1. С. 52–56.
4. БАС₁ — Словарь современного русского литературного языка. Том 1. Москва : Издательство АН СССР, 1950.
5. БАС₂ — Большой академический словарь русского языка. Санкт-Петербург : Наука. Том 1, 2004; Том 11, 2008.
6. Белошапкова и др. 1981 — Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык / под редакцией В.А. Белошапковой. Москва : Высшая школа, 1981. 560 с.
7. Богданов С.И. Морфология неполнозначительных слов в современном русском языке. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. 138 с.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград : Наука, 1983. 208 с.
9. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Ленинград : Наука, 1984. 136 с.
10. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Этимология. Изд. 7-е. Москва : Комкнига, 2006. 287 с.
11. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1972. 613 с.
12. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений. Москва : Издательство Московского университета, 1975. 283 с.
13. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Москва : Издательство Московского университета, 2000. 501 с.
14. Всеволодова М.В. Лексика и грамматика, или лексика в грамматике // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2020. № 1. С. 7–15.
15. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 2. С. 4–17.
16. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Москва : Русский язык, 1982. 262 с.
17. Всеволодова и др. 2003 — Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 2. С. 17–59.
18. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. Москва : Русский язык, 1988. 207 с.
19. Грамматика 1960 — Грамматика русского языка / под редакцией В.В. Виноградова и Е.С. Истиной. Москва : Издательство АН СССР, 1960. Т. I, 720 с.; Т. II, часть первая, 703 с.
20. Демьянков В.З. Падежная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В.Н. Ярцева. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 357.
21. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под редакцией К.Л. Киселевой и Д. Пайара. Москва : Метатекст, 1998. 447 с.
22. Дискурсивные слова русского языка: Контекстное варьирование и семантическое единство / составители К. Киселева, Д. Пайар. Москва : Азбуковник, 2003. 207 с.
23. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. Москва : Русский язык. 2001. 863 с.
24. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Москва : Русский язык, 1977. 879 с.
25. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 752 с.

26. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : Наука, 1982. 368 с.
27. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва : Наука, 1988. 440 с.
28. Золотова Г.А. К проблемам изучения предлогов // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 2. С. 18–23.
29. Золотова и др. 1998 — Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва : Издательство Московского университета, 1998. 528 с.
30. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви — ОТ любви — ИЗ любви — *С любви — ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 162–211.
31. Исследования по семантике предлогов / ответственные редакторы Д. Пайар и О.Н. Селивёрстова. Москва : Русские словари, 2000. 374 с.
32. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. Москва : Издательство Московского университета, 1986. 118 с.
33. Клобуков Е.В. Переходные процессы в образовании служебных частей речи (предлоги как продуктивный класс лексем) // Вопросы функциональной грамматики : сборник научных трудов. Вып. 4. Гродно : Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2002. С. 3–13.
34. Клобукова Л.П. К недавней истории изучения грамматического класса русских предлогов и их функциональных эквивалентов // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 2. С. 2–3.
35. Конюшкевич М.И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2023. № 1. С. 8–21.
36. Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106–121.
37. Лекант и др. 1982 — Современный русский литературный язык : учебник / под редакцией П.А. Леканта. Москва : Высшая школа, 1982. 399 с.
38. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой: Труды по филологии. 1739–1758 гг. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1952. С. 389–578, 595–760.
39. Ляпон М.В. Предлог // Русский язык : энциклопедия / под общей редакцией А.М. Молдована. Изд. 3-е. Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 537–539.
40. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. Изд. 2-е. Москва : Либроком, 2012. 314 с.
41. Обр. 1974 — Обратный словарь русского языка. Москва : Советская энциклопедия, 1974. 944 с.
42. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка: Рассуждение 3: О глаголе. Москва : Либроком, 2012. 242 с.
43. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 10-е (серия: Классический университетский учебник). Москва : Либроком, 2013. 450 с.
44. Прияткина А.Ф. К теории производного предлога // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 3. С. 2–10.
45. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. Москва : Русский язык, 1991. 254 с.
46. Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / главный редактор Н.Ю. Шведова. Репринтное издание. Москва : Институт рус. языка им. В.В. Виноградова, 2005. Том I. 784 с.; Том II. 712 с.
47. Сергеева Г.Н. Образования предложного типа и слова-гибриды // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 3. С. 11–15.
48. Словарь служебных слов русского языка / ответственный редактор Е.А. Стародумова. Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.
49. Словарь структурных слов русского языка / под редакцией В.В. Морковкина. Москва : Лазурь—М, 1997. 420 с.
50. ТФГ 1987–1996 — Теория функциональной грамматики / ответственный редактор А.В. Бондарко. [Т. 1] Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.; [Т. 2] Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.; [Т. 3] Пер-

- сональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 370 с.; [Т. 4] Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость/неопределённость. Санкт-Петербург : Наука, 1992. 304 с.; [Т. 5] Качественность. Количественность. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 264 с.; [Т. 6] Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 229 с.
51. Уш. 1935 — Толковый словарь русского языка / Гл. ред. Д.Н. Ушаков. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1935. 1562 стб.
 52. Чижова Л.А. Словообразовательные и семантические особенности русских предлогов согласно и согласно с в ономаσιологическом контексте // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 4. С. 6–10.
 53. Шанский 1963 — Этимологический словарь русского языка / автор-составитель Н.М. Шанский. Том I. Вып. 1. Москва : Издательство Московского университета, 1963. 196 с.
 54. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 5-е изд. Москва : Издательство ЛКИ. 2011. 624 с.
 55. Шведова Н.Ю. Падеж // Русский язык : энциклопедия / главный редактор Ю.Н. Караулов. Изд. 2-е Москва : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 312–315.
 56. Шелякин М.А. Об отношениях предложных и падежных значений в предложно-падежных формах русского языка // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2022. № 4. С. 2–5.
 57. Шимчук Э.Г., Шур М.Г. Словарь русских частиц / Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 9 / под редакцией В. Гладрова. Frankfurt am Main, 1999.

20 Years Later: Evolution of Modern Russian Preposition Studies (Some Lessons of One Scholarly Dispute). Article 1

Lyubov P. Klobukova,

Corresponding member of The Russian Academy of Education,
Doctor hab. in Pedagogy, Honorary Professor and Head of the Department
Lomonosov Moscow State University
E-mail: klobukov@list.ru;

Ekaterina N. Vinogradova,

PhD in Philology, Associate professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: ekaterinavin@mail.ru

The article states the theory and practice of Russian prepositions description at the end of XX century. It displays the incompleteness and collisions of this description which required inevitable revision of some theses concerning prepositions in the academic grammar. The authors devote the article to Professor Maya V. Vsevolodova and emphasize her role in drawing attention to preposition as an object of linguistic studies and in organizing the conference “The Grammar of Slavonic preposition” which took place in Lomonosov Moscow State University in October, 2003.

Key words: Maya V. Vsevolodova, preposition, grammar of preposition, syntaxeme, prepositional typology principles.